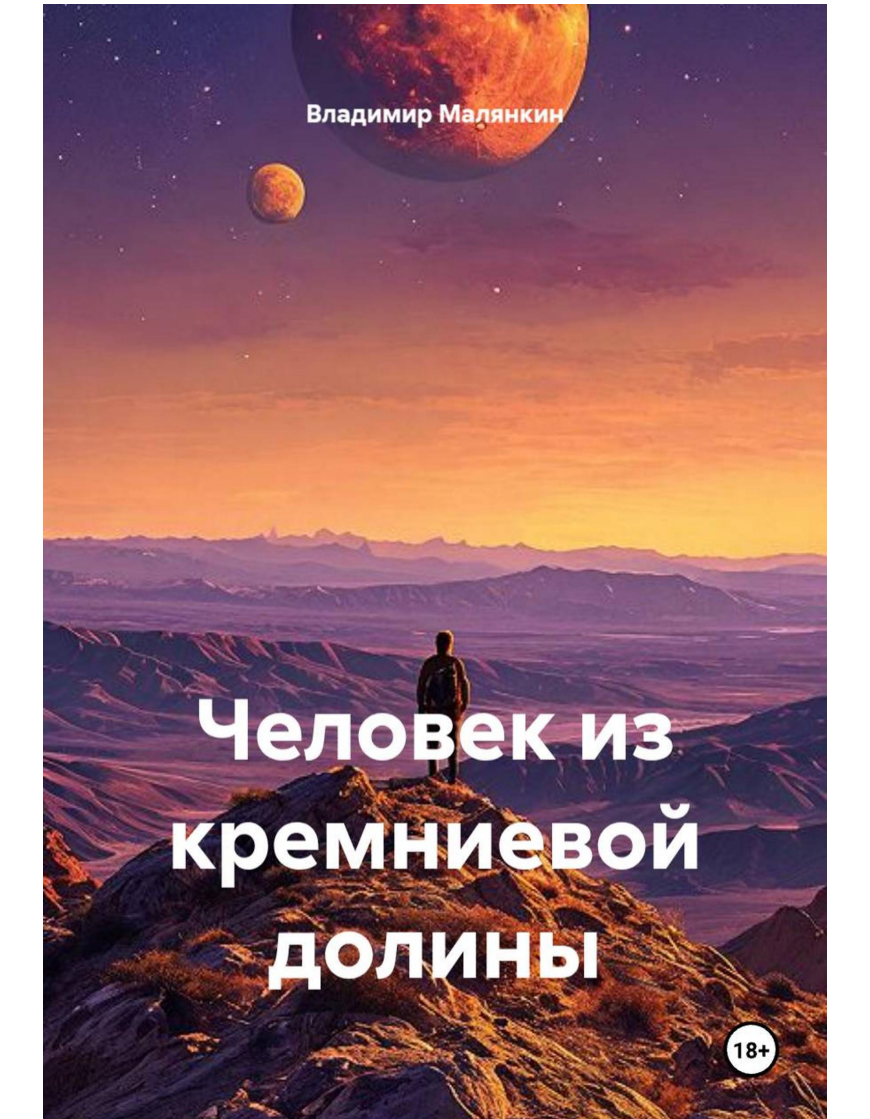

Владимир Малянкин

Человек из кремниевой долины

18+

Владимир Малянкин

Человек из кремниевой долины

<https://litres.ru/73886978>

SelfPub; 2026

Аннотация

Его жизнь была стартапом с многомиллиардным бюджетом. Гараж в Пало-Альто, первый код, первая ракета, которая взорвалась, и первая, которая села обратно. Его называли безумцем, гением, человеком, который смотрит на звёзды и не замечает земли под ногами.

Он построил компанию, которая изменила мир. Он отправил людей в космос. Он верил, что человечество станет межпланетным видом. Но когда болезнь начала отнимать у него память, он понял, что самое сложное — не долететь до Марса. Самое сложное — остаться человеком.

«Человек из Кремниевой долины» — это история, написанная от первого лица. Без прикрас, без самооправданий, без глянца. О детстве у окна в Южной Африке. О первой любви, которой он не смог сказать простых слов. О браках, которые рушились о его одержимость работой. О детях, которые выросли без него. И о том, как в самом конце пути он начал учиться тому, чего не могла дать никакая технология, — быть здесь и сейчас.

Это книга не про успех. Это книга про цену успеха.

Содержание

От автора	5
Книга первая. СТРАННЫЙ МАЛЬЧИК	7
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Владимир Малянкин

Человек из кремниевой долины

Все события и персонажи этого романа вымышлены. Любые совпадения с реальными лицами, компаниями или обстоятельствами случайны и не являются намеренными. Автор не претендует на достоверность описанных технологий, исторических событий или биографических деталей. Это художественная литература, а не документальное свидетельство.

От автора

Я написал эту книгу не для того, чтобы кого-то убедить. Не для того, чтобы оправдаться. И уж точно не для того, чтобы меня запомнили.

Я написал её, потому что память уходит. Так устроена моя болезнь — она стирает сначала слова, потом лица, потом целые годы. Я хотел успеть записать то, что ещё держу в руках, пока пальцы не разжались.

Это не мемуары в привычном смысле. Я не следил за хронологией. Я не проверял факты по архивам — кому это теперь нужно? Я просто сел и начал вспоминать. То, что всплывало — то и записывал. Где-то я мог ошибиться в датах. Где-то — преувеличить. Где-то — умолчать. Но я старался быть честным. Честнее, чем когда-либо в жизни.

Меня часто спрашивали: каково это — быть мной? Я отшучивался. Я не умел отвечать на такие вопросы. Эта книга — попытка ответить. Не журналистам. Себе. Своим детям. Своим внукам, которые, может быть, прочитают это, когда меня уже не будет.

Здесь нет инструкций. Нет рецептов успеха. Нет советов, как построить компанию или разбогатеть. Этого добра полно в других книгах. Здесь — только жизнь. Одна конкретная жизнь, со всеми её ошибками, потерями, глупостями и редкими победами.

Если вы ищете героя — вы его не найдёте. Я не герой. Я человек, который слишком много работал, слишком мало спал, любил неправильно, говорил не те слова и не в то время. Но я пытался. Всю жизнь пытался. И это, наверное, единственное, что имеет значение.

Читайте. Смейтесь. Спорьте со мной. Жалейте меня или злитесь на меня. Я не против. Я уже там, где мне всё равно, что обо мне думают.

Но если после этой книги вы посмотрите на небо чуть внимательнее — значит, я писал не зря.

Книга первая.

СТРАННЫЙ МАЛЬЧИК

Глава 1. Окно

Меня часто спрашивают: с чего всё началось? Я мог бы рассказать про гараж, про первый компьютер, про компанию, которую я основал в двадцать лет. Это была бы красивая история. Чистая, как чертёж. Но она была бы ложью.

Всё началось с окна.

Мне было семь. Мы жили в Претории, в доме, который построил мой отец. Дом был крепкий, но скучный — квадратный, как коробка из-под обуви. Единственное, что я любил в нём, — это окно в моей комнате. Оно выходило не на улицу, а на пустырь, за которым начиналось поле, а за полем — холмы. Летом трава выгорала до желтизны, и земля становилась похожей на шкуру льва. Я садился на подоконник, прижимался лбом к стеклу и смотрел. Часами.

Мать волновалась. Она говорила отцу: «С ним что-то не так. Он просто сидит и смотрит в никуда». Отец пожимал плечами: «Пусть. Может, вырастет философом». Он говорил «философ» как ругательство. В его мире были только инженеры и все остальные.

А я не просто смотрел. Я ждал. Сам не знал чего. Но каждый вечер, когда солнце садилось за холмы и небо становилось оранжевым, а потом густо-фиолетовым, у меня внутри что-то замирало. Как будто сейчас должно случиться что-то важное. Что-то большее, чем ужин, школа, уроки. Что-то, что объяснит всё.

Однажды я увидел птицу. Она была огромная — коршун или орёл, я тогда не разбирался. Она парила над полем, и тень её скользила по траве. Я следил за ней, затаив дыхание. И вдруг — она сложила крылья и рухнула вниз. Камнем. На секунду мне показалось, что она разобьётся. Но в последний миг она расправила крылья и взмыла снова, и в когтях у неё было что-то мелкое, живое.

Я заплакал. Не от жалости к грызуну. От понимания.

Я понял: мир устроен так. Падение и взлёт — это одно и то же движение. Хищник и жертва — части одного танца. И никто не виноват. Просто есть законы. Физика, биология, природа. И если я хочу понять, зачем я здесь, я должен узнать эти законы. Все до единого.

С этого дня я перестал просто смотреть в окно. Я начал наблюдать.

Я завёл тетрадь. Мать купила мне её в лавке — толстая, в чёрной обложке, пахнущая клеем. Я расчертил её на колонки: дата, время, погода, что видел, что понял. Первая запись была: «Птица упала и взлетела. Почему? Потому что сила тяжести меньше силы крыльев. Узнать про силу тяжести».

Мне было семь лет. Я ещё не знал слова «гравитация». Но я уже знал, что должен его узнать.

Отец нашёл тетрадь через месяц. Пролистал. Ничего не сказал, только хмыкнул. Но вечером принёс мне книгу — старую, потрёпанную, с оторванным корешком. «Основы физики». На африкаанс, с картинками. Я читал её запоем, как другие дети читают комиксы про супергероев. Для меня супергероями были Ньютон, Архимед, Галилей. Люди, которые увидели мир и сказали: «Я понимаю, как это работает».

В школе меня не любили. Это мягко сказано. Меня терпели. Я был тощий, нескладный, с вечно испачканными чернилами пальцами. Я не играл в регби — национальную религию южноафриканских мальчишек. Я не гонял мяч на переменах. Я сидел в углу и читал. Или смотрел на облака и прикидывал скорость ветра на разной высоте.

Учительница, миссис ван дер Мерве, вызвала мать в школу. Я запомнил этот день, потому что мать вернулась домой странная — не злая, а задумчивая. Она села напротив меня и сказала:

— Миссис ван дер Мерве говорит, что ты не такой, как все.

Я молчал.

— Она говорит, ты задаёшь слишком много вопросов.

— Разве это плохо?

Мать посмотрела на меня долго-долго. Потом взяла моё лицо в ладони — у неё были сухие, тёплые руки, пахнувшие мылом и корицей — и сказала:

— Нет. Это не плохо. Это ты.

Я не понял тогда всей силы этих слов. Понял позже, через много лет, когда уже сам стал отцом и понял, как трудно принять ребёнка таким, какой он есть, а не таким, какого ты хотел.

Мать умерла, когда мне было сорок. Я был на другом конце земли, на совещании. Мне позвонили, я вышел из переговорной, выслушал, вернулся и продолжил встречу. Люди потом спрашивали: «Как ты мог?» А я не мог иначе. Если бы я остановился, я бы рухнул. А рухнуть мне было нельзя — слишком много людей зависело от меня. Я отложил скорбь на потом, как откладывают файл в облако. Но она не сохранилась. Она исчезла. И когда через год я попытался её найти — было поздно. Я разучился плакать по матери. Она осталась во мне сухой, невыплаканной болью, и сидит там до сих пор.

Но это потом. А пока мне восемь, и мир пахнет травой, пылью и клеем из новой тетради.

Глава 2. Отец

Отец был человеком из другого века. Он родился в 1930-м, в семье фермеров, и до конца жизни верил в три вещи: труд, порядок и то, что мужчина не должен показывать слабость.

Руки у него были как два корня дерева — узловатые, тёмные от въевшейся смазки, с вечными трещинами на костяшках. Он работал инженером на электростанции. Когда я был маленьким, я думал, что он может починить всё. Так и было: он чинил проводку, двигатели, водопровод, крышу, забор. Всё, что ломалось в нашем доме и в домах соседей, проходило через его руки.

Я его боялся. И любил. И злился на него. И хотел быть им. Всё сразу.

Он почти не говорил. Вернее, говорил, но коротко, как отдавал команды. «Принеси ключ на двенадцать». «Закрой дверь». «Ешь». Мать шутила, что он экономит слова, как будто за каждое нужно платить налог. Но я знал: это не скудость. Он просто жил внутри себя, и ему не нужно было много слов, чтобы там было хорошо.

Однажды, мне было девять, он взял меня на работу. Электростанция была огромным бетонным зданием на окраине города. Внутри гудело, дрожало, пахло машинным маслом и озоном. Я шёл за отцом по узкому коридору, мимо труб, циферблатов, мигающих лампочек, и чувствовал себя внутри

живого существа. Как Иона в чреве кита.

Отец подвёл меня к огромному турбогенератору. Он был размером с дом. Он вращался, и от него исходило тепло — физическое, почти осязаемое, как от печки.

— Видишь это? — сказал отец.

Я кивнул.

— Это даёт свет. Всему городу.

Я смотрел. Генератор гудел, и гул этот отдавался у меня в груди.

— Как он работает? — спросил я.

Отец подумал. Потом сказал:

— Электричество. Магнитное поле.

— А откуда берётся магнитное поле?

— Из электричества.

— А электричество откуда?

— Из магнитного поля.

Он замолчал. Я смотрел на него и ждал. Он нахмурился — у него была привычка хмуриться, когда вопрос загонял его в тупик, — и наконец сказал:

— Это сложно. Вырастешь — поймёшь.

Это был первый случай, когда я понял, что отец чего-то не знает. Не просто не хочет объяснить, а действительно не знает. И это было как трещина в стене. Маленькая. Но через неё проникал свет.

Вечером я записал в тетради: «Папа не знает, откуда берётся электричество. Но я узнаю».

С этого дня я начал относиться к его словам иначе. Не как к истине, а как к версии. Он говорил: «Небо голубое, потому что так устроил Бог». А я уже читал про рассеивание света. Он говорил: «Человек никогда не полетит на Марс». А я смотрел на звёзды и думал: «Почему?»

Мы начали спорить. Сначала по мелочам, потом всё серьёзнее. Он не выносил споров. В его мире взрослый был прав всегда, просто потому что он взрослый. А я не мог так. Правда не зависит от возраста, она зависит от фактов. Я пытался ему объяснить, он махал рукой: «Иди чинить велосипед».

И я чинил. Сначала велосипед, потом мопед, потом старый отцовский радиоприёмник, который он списал в утиль. Я разбирал всё, до чего дотягивались руки. Ломал и собирал,

ломал и собирал. Иногда вещь после этого работала лучше. Иногда — переставала работать вообще. Я учился на ошибках. Это был мой метод: попробовать, сломать, понять почему, попробовать снова.

Отец не одобрял этого. Он говорил: «Не трогай, сломашь». Я отвечал: «Если я не трону, я не узнаю, как оно работает». Он качал головой: «Тебе надо быть инженером, а не... космонавтом».

«Космонавтом» он называл любого, кто, по его мнению, витал в облаках. Я действительно думал о космосе постоянно. Не о том, чтобы полететь — нет, я был реалистом, у меня было плохое зрение и неспортивное тело. Я думал о том, чтобы построить то, что полетит.

В двенадцать лет я собрал свою первую модель ракеты. Из трубки от пылесоса, батареек и химикатов, украденных из школьной лаборатории. Я запустил её на пустыре. Она взлетела метров на десять, задымилась и рухнула в траву. Я стоял и смотрел на дымящиеся обломки, и сердце моё колотилось. Это был восторг. Не из-за успеха — успеха не было. Из-за того, что я запустил в небо предмет, который сделал сам. Моими руками. Из мусора. И он летел.

Я подобрал обломки и пошёл домой. Отец стоял на пороге.

— Что это?

— Ракета.

— Упала?

— Да.

Он кивнул. Помолчал. Потом сказал:

— В следующий раз сделай крепче.

И ушёл в дом. Это была самая большая похвала, которую я от него слышал.

Через много лет, когда моя компания впервые посадила ракету на плавучую платформу посреди океана — вертикально, мягко, как в кино, — я вспомнил этот день. Отца уже не было в живых. Но я сказал вслух, в пустоту офиса: «В следующий раз сделай крепче». И улыбнулся.

Глава 3. Тишина и числа

Математика пришла ко мне как спасение.

В школе был предмет, который назывался «математика», но это была не математика. Это было заучивание правил. Мы решали задачи из учебника — скучные, одинаковые, с заранее известными ответами в конце книги. Меня тошнило от них. Я спрашивал учителя: «Почему мы это делаем?» Он не понимал вопроса. «Потому что это программа», — говорил

он. Программа. Как будто это что-то объясняло.

Настоящая математика пришла ко мне через книгу. Я нашёл её в библиотеке — маленькой, пыльной, куда почти никто не ходил. Книга называлась «Великие математики» и была написана для детей, но не дурацким языком. Из неё я узнал про Эйлера, Гаусса, Римана. Про людей, которые видели мир как уравнение.

Я помню ночь, когда я понял, что такое бесконечность. Не заучил определение — понял. Я лежал в кровати, смотрел в потолок и думал о числах. О том, что между нулём и единицей бесконечно много чисел. Бесконечно. И между любыми двумя из них — ещё бесконечно много. И так без конца. У меня закружилась голова, как будто я падал в эту бесконечность. Это было страшно и прекрасно.

Математика стала для меня убежищем. В ней не было двусмысленности. Два плюс два всегда равнялось четырём. В школе, дома, на другой планете — всегда четыре. Это была единственная надёжная вещь в мире, где отец злился непонятно почему, мать грустила непонятно о чём, а сверстники смеялись надо мной за то, что я говорю слишком длинными предложениями.

Я начал сам придумывать задачи. Не те, что в учебнике, а настоящие. Например: с какой скоростью должна вращаться космическая станция, чтобы создать искусственную гравитацию, равную земной? Я исчертил тетрадь расчётами. Ответа не знал — интернета не было, спросить было не у кого.

Но сам процесс — поиск решения — был для меня как медитация.

В тринадцать лет я написал письмо известному астрофизiku. Настоящее письмо, на бумаге, с маркой. Я изложил свою идею про двигатель на ионной тяге. Идея была, конечно, бредовая — я мало что понимал тогда в реактивной физике. Но я написал это письмо и отправил. И знаете, что произошло? Ничего. Он не ответил.

Я ждал месяц, два, три. Проверял почтовый ящик каждый день. Ничего. Это было моё первое большое разочарование во взрослом мире. Не в науке — в людях. Я был никем, мальчишкой из Претории, и мой голос не имел веса. Тогда я поклялся себе: однажды я стану кем-то, кому отвечают.

Эта клятва вела меня много лет. Когда я стал известен, я получал сотни писем от таких же мальчишек. И старался отвечать. Не на все, но на многие. Потому что помнил того пацана, который ждал письма.

Глава 4. Первая кровь

Драка случилась, когда мне было четырнадцать.

Я вырос, но не окреп — длинный, тощий, с торчащими коленками и локтями, как у журавля. К тому времени мы переехали в Канаду, и я пошёл в новую школу. Новая страна, новый язык, новые правила. Я говорил с акцентом, одевался не так, читал книжки про чёрные дыры вместо того, чтобы

играть в хоккей. Идеальная мишень.

Их было трое. Они подкараулили меня после уроков за школьным стадионом. Главный — коренастый парень с фамилией, которую я не запомнил, но лицо — круглое, веснушчатое, с мелкими злыми глазками — впечаталось в память навсегда. Он сказал что-то про мой пиджак, про мой портфель, про то, как я говорю. Я не отвечал. Я думал: если я буду молчать, они отстанут.

Они не отстали.

Первый удар пришёлся в плечо. Не больно, но обидно. Я попятился. Они двинулись на меня, скалясь. Я помню, как солнце било в глаза — закатное, красное. И в этой красноте я вдруг перестал бояться. Страх ушёл, сменившись чем-то холодным и ясным. Словно внутри включился выключатель.

Я не умел драться. Но я умел думать. И за секунду до того, как второй удар полетел мне в лицо, я рассчитал траекторию. Я увидел её — в буквальном смысле, как пунктирную линию в воздухе. И я уклонился. Просто сместил голову на несколько сантиметров вправо. Кулак пролетел мимо, и парень по инерции шагнул вперёд, теряя равновесие.

Дальше случилось странное. Я не бил его. Я просто взял его за запястье — у него было толстое, потное запястье — и вывернул. Не сильно. Ровно настолько, чтобы он вскрикнул и упал на колено. Я держал его руку в замке и смотрел на остальных. Они замерли. Я сказал — голосом, которого сам не узнал, спокойным и ровным: «Ещё вопросы?»

Вопросов не было. Они ушли — не побежали, но быстро, оглядываясь. А я остался стоять. Сердце колотилось. Пальцы дрожали. Но внутри было странное чувство. Не радость, не торжество. Удивление. Я понял, что страх — это такая же система, как всё остальное. У него есть входные данные, есть алгоритм, есть выход. И если понять алгоритм, страх можно отключить.

Я пришёл домой с синяком на плече и разорванным рукавом. Отец посмотрел на меня:

— Дрался?

— Да.

— Победил?

— Да.

Он кивнул и отвернулся к телевизору. Никаких вопросов, никакого сочувствия. Но вечером, когда я уже лежал в кровати, он зашёл в комнату и положил на тумбочку кусок сырого мяса в марле.

— Приложи к синяку, — сказал он. — Матери не говори. И вышел.

Я лежал и смотрел на этот кусок мяса, истекающий кро-

вью на марлю, и думал: вот так он проявляет любовь. Не словами. Действиями. Вещами. Я научился это распознавать, как радиосигнал сквозь помехи. Но тогда мне просто было обидно и тепло одновременно.

Глава 5. Девочка с книгой

Её звали Эмили. Она была из параллельного класса, дочка профессора лингвистики. Худая, с длинной шеей и привычкой поправлять очки указательным пальцем. Она читала на переменах, как и я. Это нас и соединило.

Мы сидели на скамейке под клёном, каждый со своей книгой, и молчали. Потом она спросила:

— Что читаешь?

— Циолковского.

— Кого?

— Русского учёного. Он придумал космический лифт.

— Космический лифт — это глупость, — сказала она. — Трос порвётся под собственным весом.

Я уставился на неё. Никто — ни один человек в школе — не мог сказать мне, почему космический лифт — это глуп-

пость. А она сказала.

Мы проговорили до вечера. Оказалось, она тоже любила то, что не любят нормальные люди. Теорию струн. Парадокс Ферми. Вопрос о том, почему мы до сих пор не встретили инопланетян — потому что их нет, или потому что они нас избегают? Она склонялась ко второму. Я — к первому. Мы спорили, перебивали друг друга, смеялись.

Я влюбился. Не сразу — недели через две. И понял это самым дурацким образом: я заметил, что, когда её нет, мир теряет цвет. Буквально. Небо становилось серым, книги — скучными, задачи — бессмысленными. Я ждал перемены, как ждут глотка воды в пустыне.

Я не знал, что делать с этим чувством. Я умел вычислять траектории спутников, но не умел сказать девочке, что она красивая. Однажды я купил ей книгу — старую, потрепанную «Космическую одиссею» Кларка, в букинистическом магазине. Денег не было, я копил мелочь две недели.

Я подарил ей эту книгу и сказал:

— Здесь есть момент, где человек проходит через врата. Прочитай, я хочу обсудить.

Она взяла книгу, полистала. Потом посмотрела на меня — пристально, как будто изучала — и сказала:

— Ты странный.

— Знаю.

— Мне это нравится.

И поцеловала меня в щёку. Один раз. Быстро, как птица коснулась воды. Я стоял и не мог пошевелиться. Она ушла. Кажется, улыбаясь.

Через месяц её семья переехала в Штаты. Я не успел ей сказать почти ничего. Я написал ей письмо — длинное, на десять страниц. Изложил всё: про то, как меняется спектр света, когда она входит в комнату; про то, что её голос имеет резонансную частоту, которая совпадает с моей грудной клеткой; про то, что когда её нет, энтропия мира увеличивается.

Идиот. Я написал признание в любви языком физики. Она ответила коротко: «Ты очень умный. Но мне нужен кто-то, кто скажет просто: я тебя люблю. Без формул».

Я выучил этот урок наизусть. Слишком поздно.

Глава 6. Отъезд

В семнадцать лет я собрал чемодан и уехал. Не в колледж — до колледжа было ещё полгода. Я уехал в Калифорнию, один, на деньги, заработанные летней подработкой на фабрике по сортировке мусора.

Мать плакала. Отец стоял с каменным лицом. Я обнял их обоих — сначала мать, потом его. Он похлопал меня по спи-

не один раз, жёстко, как будто ставил печать.

— Не позорь фамилию, — сказал он.

Это было его «я тебя люблю». Я уже знал.

Самолёт взлетел ночью. Я сидел у иллюминатора и смотрел на огни Торонто, которые уходили вниз, становились сеткой, потом точками, потом исчезали в облаках. Внутри у меня звенело. Не страх. Ожидание. Такое же чувство я испытывал в детстве, у окна, когда ждал, что сейчас случится что-то важное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.